

Данные ценности можно представить в виде полевого образования, в центре которого находятся: успех в конкурентной борьбе, моральное удовлетворение, прогнозирование будущего, моральные качества, физические качества, организаторский талант, умение преодолеть трудности, патриотизм, а на периферии – общение с окружающими, достижение материального благосостояния, популярность, уважение к правилам, открытость, семья и близкие.

Примечания

¹ Гуськова Ю.В. Оценочные чат-интервью как особый речевой жанр // Коммуникативные и социокультурные проблемы романо-германского языкознания: Материа-

лы межвуз. науч. конф. 29 ноября 2006 г. Саратов, 2007. С. 208.

² Гуськова Ю.В. Объект оценки в спортивном дискурсе франко-канадцев // Проблемы канадоведения в российских исследованиях. Саратов, 2008. Вып. 2. С. 160.

³ Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2002.

⁴ Кожевникова Е.Н. Ценностные доминанты в молодежной субкультуре // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы: Тез. докл. междунар. науч. конф. Волгоград, 2004. С. 55.

⁵ Бабаева Е.В. Функционирование концепта нормы в немецком рекламном дискурсе // Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения: Сб. науч. тр. Волгоград, 2003.

УДК 821.161.1–95.09

ПЕРВОЭЛЕМЕНТЫ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ ЖУРНАЛА «ЗАВЕТЫ»

Н.В. Новикова

Саратовский государственный университет,
кафедра истории русской литературы и фольклора
E-mail: novikovanv@mail.ru

Автором статьи предпринята попытка обозначить основополагающие элементы эстетической платформы литературно-общественного ежемесячника «Заветы» (1912–1914), издававшегося социалистами-революционерами во главе с В.М. Черновым. Созданию на страницах периодического издания целостной картины литературной эпохи начала 1910-х гг. способствовал литературный редактор и ведущий критик журнала Р.В. Иванов-Разумник. Прочтение им «текущей» литературы сквозь призму «духовной сущности» классического наследия имело концептуально значимый смысл.

Ключевые слова: журнал, литература начала 1910-х гг., Р.В. Иванов-Разумник, литературная критика, эстетическая платформа, новый реализм, модернизм, историко-литературная ретроспекция.

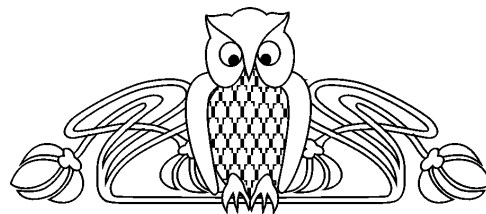
Aesthetic Program of «Zavety» Magazine

N.V. Novikova

The article outlines the basic elements of the aesthetic program of the magazine «Zavety» (1912–1914), published by socialist-revolutionaries under the leadership of V.M. Chernov. Its literary editor and leading critic, R.V. Ivanov-Razumnik, contributing much to the magazine's literary panorama of the early 1910-s, read contemporary literature through the traditional lens of 'spiritual essence'.

Key words: magazine, early 1910-s literature, R.V. Ivanov-Razumnik, literary criticism, aesthetic platform, new realism, modernism, historical-literary retrospect.

Общественно-литературный журнал «Заветы» (1912–1914) появился благодаря энергии крупнейшего деятеля эсеровской партии В.М. Чернова и предназначался в первую очередь

для читателя-единомышленника¹. Однако, как показала практика ведения ежемесячника, читателя иных убеждений он тоже привлекал – качественной литературой и критическими статьями. Сложилось так, что партийные заботы, бремя которых несла на себе публицистика, не довели над общеинтересным.

Художественно-беллетристический и литературно-критический отделы «Заветов» с осени 1912 г. создавались по большей части усилиями Р.В. Иванова-Разумника (1878–1946). Нас интересуют конкретные вопросы многосложной журнальной деятельности соредатора и проницательного оценщика литературных новинок. Как в периодическом издании была представлена «текущая» литература? Как соотносились в «Заветах» литература и критика? Каково в контексте журнала отношение Иванова-Разумника к литературной современности? Иными словами, какова реальная художественно-беллетристическая практика «Заветов» и как преломляется она в литературно-критическом обосновании, захватывающем множество других явлений новейшей литературы? Какие черты программности содержит в себе разумниковский взгляд на «текущее»? Поиски ответов на эти вопросы в конечном счёте призваны способствовать воссозданию объективного представления об отличительных особенностях литературного движения той поры.

Литература занимала значительное пространство «эсеровской» трибуны. «Заветы» по-настоящему могли удовлетворить вкус взы-

скательного читателя, предлагая ему произведения преимущественно талантливых авторов. Здесь печатали признанных художников слова: из прозаиков – М. Горького, И. Бунина, Л. Андреева, из поэтов – К. Бальмонта, Ф. Сологуба, Ю. Балтрушайтиса, А. Блока. «Заветовская» проза была представлена именами «новых» реалистов, успешных завоевать читателя (С. Сергеева-Ценского, Б. Зайцева, А. Ремизова, М. Пришвина, И. Шмелёва, А. Толстого), поэтов новой генерации, вызвавших немалый читательский интерес – акмеистов (Н. Гумилёва, А. Ахматову, С. Городецкому, М. Зенкевичу, О. Мандельштаму) и эгофутуриста И. Северянина, певцов деревни (Н. Клюева, П. Орешина, С. Клычкова). Особое внимание приковывал роман «То, чего не было», вышедший из-под пера В. Ропшина, который в 1909 г. не оставил равнодушных дебютной повестью «Конь бледный». Открытием журнала стали такие писатели, как Ив. Вольнов, Вяч. Шишков, К. Тренёв, Н. Никандров, О. Форш, Е. Замятин. Для читателя и исследователя наших дней, имеющего возможность судить о начинавших в 1910-е гг. не только по первым шагам, но и по их творческому пути, тогдашние новички – величины самого приметного ряда, по праву занявшие своё место в литературе XX в.

Иванов-Разумник, внимательно наблюдавший за потоком современной литературы и, как правило, безошибочно отличавший подлинные творческие достижения от мнимых, придавал огромное значение русской классике². В основе собственно разумниковских выступлений на страницах «Заветов» лежали историко-литературный и теоретико-литературный аспекты³. Отношение к классическому наследию как со стороны его нравственно-философской, нравственно-этической значимости, так и со стороны метода – романтического и реалистического, было одним из узловых вопросов литературной критики начала 1910-х гг. Приверженность критика к вечным ценностям, носительницей которых на все времена для него являлась русская классическая литература, была в высшей степени насущным и действенным критерием его суждений о литературной современности. Верой в непреходящее значение классического наследия обеспечивалось единство подхода к «текущей» литературе. Прочтение её Ивановым-Разумником через призму художнического опыта крупнейших русских писателей от статьи к статье обретало черты концептуальности.

«Героями» годовых обзоров, монографических очерков, творческих портретов, рецензий Иванова-Разумника стали произведения, вокруг которых разгорелись споры, в отдельных случаях доходившие до полемических баталий: повесть «Пятая язва» А. Ремизова и «Никон Староколенный» М. Пришвина, романы З. Гиппиус и Д. Мережковского, В. Ропшина («То, чего не было»), П. Карпова («Пламень»), А. Белого («Петербург»),

роман «Дальний край» и рассказы Б. Зайцева, рассказы и повести Горького и С. Сергеева-Ценского, стихотворные циклы и романы Ф. Сологуба, пьеса Л. Андреева «Профессор Сторицын», лирика А. Блока и его поэма «Роза и Крест», сборники стихотворений А. Ахматовой, И. Северянина и т.д. Порой Иванов-Разумник вносил критическую ноту в хор славословящих, зачастую поддерживал тех, кто оценен несправедливо или не избалован, а то и вовсе обойдён вниманием критики (Л. Добронравова, М. Моравскую, К. Эрберга, Ю. Верховского, В. Пяста). Критик по-своему опекал тех, кто, как Ив. Вольнов и Е. Замятин, ждал отклика на пробу пера, как Н. Клюев (возможно, и акмеисты) – «заветовского» резонанса на жадно поглощаемое читателем слово. Замечательно то, что столь разнохарактерный художественно-беллетристический материал Иванову-Разумнику удавалось ощущать как нечто целостное, как «вечно единую, вечно живую реку русской литературы», в которую «из разных литературных групп, от разных взаимно враждебных направлений стекаются подлинно связанные с жизнью произведения»⁴. Эта «связь с жизнью», по мысли Иванова-Разумника, унаследована от классики. «Живое» в противоположность «мёртвому», как он настойчиво повторял, и не даёт рассыпаться «храмине» современной литературы.

Строгий литературно-критический анализ большого числа новинок, проведённый Ивановым-Разумником под углом зрения истории и теории литературы, становился площадкой построения эстетической платформы «нового реализма». Источником плодотворного развития «нового реализма», по убеждению Иванова-Разумника, была нравственно-эстетическая традиция. И хотя возвращение к судьбоносным вопросам классики не было заслугой исключительно «Заветов», следует сказать, что в этом качестве литературная критика Иванова-Разумника в журнале органично сочеталась с собственно литературным материалом.

«Понятийное <...> осознание» «Заветами» нового реалистического течения как событие едва ли не единичного характера сравнительно недавно было отмечено В.А. Келдышем: «Примечательно, что именно в 1910-е годы была предпринята попытка оформить <...> творческие платформы: в товариществе “Книгоиздательство писателей в Москве”, образованном в 1912 году, и в петербургском журнале “Заветы” (его литературном отделе), начавшем выходить в том же году»⁵. «Попытка», развернувшаяся в рамках журнала отнюдь не эстетической ориентации, делает очевидной высокую «конкурентоспособность» важнейшего первоэлемента разумниковской литературно-критической системы. Сложившаяся в «Заветах» ситуация наглядно подтверждает перевес литературной «чаши» по сравнению с общественно-политической, идеологической и даёт нам право расценивать след, оставленный

«Заветами», не только и не столько по ведомству партийной печати.

Эстетическая «платформа» «Заветов» формировалась всем комплексом разножанровых литературно-критических выступлений Иванова-Разумника. основополагающий её пункт публицистически остро был намечен в первом же очерке критика – «Человек и культура». Соль «дорожных мыслей и впечатлений» заключалась в том, что А. Пушкин, Ф. Достоевский, Л. Толстой – провозвестники духовно-нравственной культуры, несопоставимой по силе с культурой западной «цивилизации», омещанивающейся Европы. Актуализация классических образов – явный или скрытый стержень более чем тридцати разумниковских разборов, опубликованных на страницах журнала «Заветы». Она оптимально подошла для первопродходческого осмысления «текущей» литературы и явилась его циклообразующим принципом. Ключом к адекватному пониманию литературных явлений становится в «заветовской» критике Иванова-Разумника индивидуально-авторская система понятий, генетически восходящая к художественной этике любимого им Л. Толстого и через него – А. Пушкина⁶. В концептуальных формулах («трагедия», «драма», «путь», «рождение человека», «вера» в жизнь, человека, русский народ, Россию), которыми оперирует критик при рассмотрении каждого произведения, запечатлены черты личностного отношения к их имманентной сути⁷.

Сосредоточенность Иванова-Разумника на новых тенденциях в развитии реализма никак не исключала его внимания к модернизму. Несмотря на то что искания модернистов простирались вдаль от «заветовских» приоритетов, сорентированных на вершины реалистического искусства, эти искания никоим образом не дискриминировались ни со стороны редакторов, ни со стороны критиков, начиная с Иванова-Разумника. В самом деле, он был чуток к краскам, не свойственным традиционно реалистическому ракурсу художественного изображения, обновившим и обогатившим реалистическую палитру в творчестве А. Ремизова, М. Пришвина, С. Сергеева-Ценского, Б. Зайцева, Л. Андреева. Он прозревал здоровое начало в поэзии И. Северянина, принял акмеистов, не разделяя их «теории», которая в основе своей первоначально показалась близка «верой в жизнь, верой в человека»⁸; несмотря на настораживающее «жеманство», оценил «несомненный художественный талант»⁹ А. Ахматовой; подчёркивая «чуждость» К. Эрбергу в главном – понимании «цели творчества», напечатал его стихотворный цикл «Ненависть-любовь» и вдумчивую статью о поэте¹⁰. Примеры такого рода можно продолжать.

Объяснить подобный «алогизм» Иванова-Разумника можно прежде всего тем, что он умел видеть «поверх барьеров», умел различать в общей массе пишущих по-настоящему

талантливых художников и стремился привлечь их к сотрудничеству с журналом, невзирая на их «теории» и творческие принципы, расходящиеся с его собственными. Такая особенность литературной политики «Заветов», существенно влияющая на их эстетический облик в целом, отмечена А. Лавровым¹¹. В задачу критика и литературного редактора входило не проведение водоразделов между художниками разных эстетических систем, а наведение мостов между ними. Стремление к синтезу становится визитной карточкой эстетической платформы «Заветов», а редакторская практика и критическое творчество Иванова-Разумника, наглядно демонстрирующие и пропагандирующие этот синтез, предваряют современные подходы к постижению литературы начала 1910-х гг.

Вместе с тем следует отметить, что порой суждениям Иванова-Разумника присуща излишняя категоричность, в отдельные моменты обнаруживается догматическое видение предмета. Так, его творческой критике, нацеленной на распознавание «философии» художника и произведения¹² и действительно предуготовленной для такой тонкой работы, не сразу далось истолкование поэтического мира А. Блока. Говоря о поэте, критик не был свободен от ограничивающей схемы. Иванов-Разумник, человек ярко выраженного общественного темперамента, посылал стрелы в лагерь «декадентов», которым, по его мнению, неведомо подлинное страдание, а значит – и подлинная любовь. «Каждый из нас распинается жизнью для того, чтобы воскреснуть душой: в этом сущность “трагедии”, – в который раз повторял критик излюбленную идею. – Но не каждого трагедия эта приводит к действенной любви, в которой одной лишь спасение от мирового “декадентства”, от заколдованного круга одиночества»¹³.

А между тем сам А. Блок, как свидетельствует ряд фактов, драматически мужественно воспринимал эпоху начала 1910-х гг. Это чувствуется и в его оценке «Заветов». Тяжёлое впечатление осталось у поэта от беллетристики первой книги журнала, поскольку она была «посвящена описаниям мучений человека – многообразных»¹⁴. Страстная тяга блоковского героя тех лет к «вочеловеченью», «рождению человека общественного», как нельзя лучше отвечавшая ожиданиям критика, в то время для него оказалась заслонена. Направив силы на отповедь «декадентскому», Иванов-Разумник прошёл мимо блоковских лирических дум о «звании человека»¹⁵. Однако ведь именно на страницах «Заветов» впервые были опубликованы лирические откровения А. Блока, ныне хрестоматийно известные: «Авиатор», «Сусальный ангел», «Повеселясь на буйном пире...», «Без слова мысль, волненье без названья...», «Миры летят, года летят, пустая...». Одно их присутствие в журнале объективно препятствовало «выпрямлению» лирического героя в угоду критической заданности.

Чутьё подвело Иванова-Разумника и в случае с Б. Зайцевым¹⁶. Критик увидел в писателе художника особой лирической складки, но непрерываемо звучало его мнение о том, что героям Б. Зайцева не суждено перерождение через страдание, как толстовским героям. Они не способны пережить трагедию, которая и делает человека человеком пусть даже на пороге смерти. Правда, такого рода ситуации в литературной критике «заветовца» были всё-таки исключениями из правил.

Формирование и формулирование Ивановым-Разумником эстетической платформы «Заветов», по-видимому, не завершилось, так как выход журнала был насильственно прерван. Но главное было сказано, и увенчивала его мысль о том, что литература достигла «периода расцвета». В противовес «плакальщикам» критик настойчиво доказывал: «Мы стоим теперь на гребне литературной волны»¹⁷. И себя он ощущал звеном цепи, связующим прошлое и будущее. По убеждению Иванова-Разумника, в определении глубины и точности критического «приговора» «судьёй» должна явиться «история литературы, и, вероятно, имя подлинного литературного “критика” своего времени сохранит в истории тот, чьи оценки не будут переоцениваться»¹⁸. История литературы подтвердила правильность подавляющего большинства оценок, которые Иванов-Разумник дал на страницах «Заветов» современной ему литературе.

Итак, у «Заветов» было своё лицо, единственное в своём роде. Художественно-беллетристический и литературно-критический «комплекс» «эсеровского» журнала рельефно, многопланово и вместе с тем целостно представлял литературную эпоху начала 1910-х гг. Впечатляющий её срез остался как этапное отражение протекавших в ней процессов. Одним из самых насущных факторов жизни создателями «Заветов» была прочувствована востребованность духовно-нравственного наследия русской классической литературы. Живым нервом эстетической программности журнала оказалась историко-литературная ретроспекция. Рассматривая под таким углом зрения явления «текущей» литературы, Иванов-Разумник давал, за редким исключением, убедительную их трактовку. Тем самым создавалось общее полотно, внутренние связи которого обеспечивались единством подхода и критериев. Доминирующую роль в формировании эстетической программы «Заветов», в придании им целостности играла позиция Иванова-Разумника.

Примечания

- 1 См.: Новикова Н.В. Журнал «Заветы»: к истории создания, становления, рецепции // *Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература: художественный опыт XX – начала XXI веков*: Сб. науч. тр. / Сост., отв. ред. проф. А.И. Ванюков. Саратов, 2008. Вып. II. С. 44–50.
- 2 См.: Новикова Н.В. Программные литературно-критические выступления Иванова-Разумника в журнале «Заветы» // *Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература: художественный опыт XX–XXI веков*: Сб. науч. тр. / Сост., отв. ред. проф. А.И. Ванюков. Саратов, 2006. С. 87–94; *Она же*. Ф. Достоевский в нравственно-философском контексте литературной критики Р.В. Иванова-Разумника // *Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты*: В 2 т. Фольклор и литература: восприятие, анализ и интерпретация художественного текста: Материалы X Виноградовских чтений 15–17 ноября 2007 г. / Ред.-сост. С.А. Джанумов. М., 2007. Т. II. С. 123–129; *Она же*. «Великие искания» Л. Толстого в литературно-критической интерпретации Р.В. Иванова-Разумника // *Русское литературоведение на современном этапе*: Материалы VI Междунар. науч. конф.: В 2 т. М., 2007. Т. I. С. 87–91; *Она же*. И.А. Гончаров: лично-творческое воплощение в трактовке Р.В. Иванова-Разумника // И.А. Гончаров. Материалы IV Междунар. науч. конф., посвящённой 195-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск, 2008. С. 398–409; *Она же*. Ценности культуры в творческом сознании Р.В. Иванова-Разумника // *Вестн. МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. Филол. науки*. 2008. № 2. С. 65–71; *Она же*. Р.В. Иванов-Разумник о Л. Толстом (по страницам журнала «Заветы») // *Толстовский ежегодник – 2005*. М. (в печати).
- 3 См.: Новикова Н.В. Р.В. Иванов-Разумник – редактор и автор журнала «Заветы» (1912–1914) // *Литературно-критические выступления Р.В. Иванова-Разумника в журнале «Заветы»: Учеб. пособие для студ., обучающихся по напр. 031000 и спец. 031001 «Филология»* / Сост. Н.В. Новикова; Под ред. Е.П. Никитиной, И.А. Книгина. Саратов, 2007. С. 3–44.
- 4 *Иванов-Разумник*. Русская литература в 1912 году // *Заветы*. 1913. № 1. С. 56.
- 5 *Келдыш В.А.* Реализм и неореализм // *Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов)*. М., 2001. Кн. 1. С. 269–270.
- 6 См.: Новикова Н.В. Концептуальные формулы цикла журнальных статей Р.В. Иванова-Разумника // *Вестн. МГОУ. Сер. Русская филология*. М., 2006. № 2(27). С. 239–248.
- 7 См.: Новикова Н.В. «Рождение человека» как «заветная» идея литературной критики Иванова-Разумника // *Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежных литературах*: Материалы Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 12–15 апреля 2006 г. / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН, ВолГУ. Волгоград, 2006. С. 122–127.
- 8 См. редакционное введение к статье А. Долинина «Акмеизм» (*Заветы*. 1913. № 5. С. 153), а также: Новикова Н.В. Р.В. Иванов-Разумник – литературный редактор и критик журнала «Заветы» – о дебюте акмеистов // *Вестн. МГОУ. Сер. Русская филология*. 2007. № 2. М., С. 200–209.
- 9 *Иванов-Разумник*. Жеманницы («Чётки») Анны Ахматовой и «Печальное вино» Веры Инбер // *Заветы*. 1914. № 5. С. 51.
- 10 См.: Новикова Н.В. Поэт в журнале (Константин Эрберг в «Заветах») // *Междисциплинарные связи при изучении литературы*: Сб. науч. тр. / Под ред. проф. А.А. Дем-

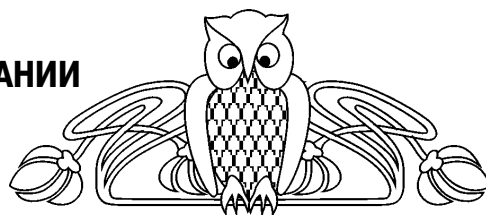
ченко. Саратов, 2006. С. 141–153; *Она же*. Стихотворный цикл Константина Эрберга «Ненависть-любовь» (опыт анализа) // Проблемы филологического образования: Сб. науч. тр. / Под ред. Т.В. Рыженковой, И.А. Тарасовой, А.Б. Щербакова. Саратов, 2006. С. 103–114.

- ¹¹ Лавров А. Иванов-Разумник // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 387.
- ¹² Новикова Н.В. Р.В. Иванов-Разумник о задачах литературной критики // Бочкарёвские чтения: Материалы XXX Зональной конф. литературоведов Поволжья, 6–8 апреля 2006 г. Самара, 2006. Т. 3. С. 232–245.
- ¹³ Иванов-Разумник. Роза и Крест (Поэзия Александра Блока) // Заветы. 1913. № 10. С. 122.

- ¹⁴ Блок А.А. Дневник // Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. Запись от 3 мая 1912 г.
- ¹⁵ Иванову-Разумнику в большой мере удалось преодолеть «заветовский» подход к А. Блоку в книге 1919 г. издания «Александр Блок. Андрей Белый» и в дополненном её переиздании («Вершины», 1923).
- ¹⁶ Иванов-Разумник. Дальний край (О романе и рассказах Бориса Зайцева) // Заветы. 1913. № 6. С. 222–233.
- ¹⁷ Иванов-Разумник. Русская литература в 1913 году // Заветы. 1914. № 1. С. 87–88.
- ¹⁸ Иванов-Разумник. «Полемика» и «критика» // Заветы. 1913. № 5. С. 142 (курсив мой. – Н.Н.).

УДК821.161.1–311.6.09/19/+929 [Мережковский +Тынянов+Алданов]

ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ ДОКУМЕНТА В ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ ХХ ВЕКА (МЕРЕЖКОВСКИЙ, ТЫНЯНОВ, АЛДАНОВ)

Т.И. Дронова

Саратовский государственный университет,
кафедра русской литературы XX века
E-mail: XXvek@info.sgu.ru

Статья посвящена осмыслению тенденции к «проблематизации» достоверности документа, наметившейся в отечественном художественно-историческом сознании первой трети ХХ в. (Д.С. Мережковский, Ю.Н. Тынянов, М.А. Алданов). Рефлексия данных авторов об ограниченности «правды» источника в силу его субъективного характера и текстовой (нарративной) структуры коррелирует с новаторским характером их историко-философских романов, воплотивших новое отношение к минувшему, сформировавшееся в полемике с позитивистски ориентированными учеными.

Ключевые слова: Мережковский, Тынянов, Алданов, документ, историко-философский роман, достоверность.

The Problem of Document Reliability in Historical-Aesthetic Consciousness in the First Part of the XX Century (Merezhkovsky, Tynyanov, Aldanov)

T.I. Dronova

The article traces the trend to «problematize» historical documents reliability that arose among Russian historical novelists in the first thirty years of the XX century. D.S. Merezhkovsky, Yu. N. Tynyanov and M.A. Aldanov's theoretical reflections on the limited nature of historical sources' «truth» is shown to correlate with the new quality of their writing in the genre of historical-philosophical novel, the genre that embodied their new attitude towards the past, the attitude developed in the polemics with positivist scholars.

Key words: Merezhkovsky, Tynyanov, Aldanov, document source, historical-philosophical novel, reliability.

Специфика исторического романа как тематической разновидности романного жанра состоит в

художественном осмыслении жизненной реальности, недоступной для непосредственного наблюдения. Выбор предмета изображения – прошлого, не существующего как наличная материальная и духовная субстанция, определяет особую роль текстов-посредников (исторических документов, научных концепций, фольклорных и литературных текстов, а также других видов искусства изображаемой эпохи) в процессе его постижения. Постановка вопроса о мере достоверности документа, о границах и формах художественно-исторического познания – необходимый этап в работе писателя, создающего романное повествование на материале далекого прошлого. Рефлексия авторов исторических произведений об отношении к документу не только приоткрывает их творческую лабораторию, но и фиксирует сдвиги, происходящие в художественно-историческом сознании эпохи, еще не ставшие объектом теоретического литературоведения.

Цель данной статьи – выявление тенденции к «проблематизации» достоверности документа, наметившейся в автометаописаниях и художественной практике Д.С. Мережковского, Ю.Н. Тынянова, М.А. Алданова.

Отказ от «презумпции достоверности» документа – результат переосмысления роли человеческого сознания в процессе исторического познания. Показательно, что «подрыв» статуса документа как «подлинного» свидетельства о прошлом ведется создателями философско-исторических повествований. Рефлексия о природе художественно-исторического познания – составная часть их эстетической и гносеологической позиций.